

Эдуард Немировский

«Путешествие в
пустыню Негев»

18+

Эдуард Немировский

Путешествие в пустыню Негев

«Автор»

2026

Немировский Э.

Путешествие в пустыню Негев / Э. Немировский — «Автор»,
2026

Глава из Романа "Врата Мгновения" Фантастика. В этом романе автор приглашает читателя в увлекательное путешествие в жанре автофикшн, основанное на личных впечатлениях и опыте, а также на историях предков, переживших события XX века в первой в мире стране, следовавшей коммунистическим идеалам. Произведение можно рассматривать как исповедь, откровение или свидетельство о пережитом и увиденном. Главный персонаж — романтик, часто оторванный от реальности, вокруг которого разворачиваются события в коммунистическом обществе, созданном впервые в истории. Опыт старшего поколения нередко отвергается следующим, и они заново приобретают свой собственный. Однако события, описанные в книге, и их отголоски могут быть полезны тем, кто стремится осмыслить свою жизнь и понять современный мир с его проблемами и несовершенством.

© Немировский Э., 2026

© Автор, 2026

Эдуард Немировский

Путешествие в пустыню Негев

В эту ночь Марк ночевал на веранде.

Он долго смотрел на горящий, жгучий желтый диск на темно-синем небе. Луна вызывала у него странное чувство удивления и преклонения, и непонятно перед чем.

Он не мог оторвать от нее глаз, словно под гипнозом.

«Тело в пространстве, освещенное лучами солнца. Чужое... Пустота...» — представлял он, засыпая.

И во сне он слышит:

— Вы возомнили себя Дорианом Грэм? Это просто ваши юношеские мечты.

И видит он, как художник Вербов рисует его портрет, а он позирует, сидя на стуле.

— Я изображу вас, — говорит художник, — но стареть этот портрет не будет!

— А я?

— А вы? Как сами решите.

— От чего это зависит, Михаил Ефремович? — спрашивает Марк, удивляясь тому, что помнит имя и отчество Вербова даже во сне.

— Богу — богово, человеку — человеческое. Если объяснить, отчего человек стареет, то можно объяснить и эротические мечты, которые вас одолевают, и многое другое.

Художник замолк, погружившись в творчество. Но через минуту произнес:

— И выслал его Господь Бог из сада Эдемского, «как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно».

— Я понимаю вас, — сказал Марк. — Я подчинюсь.

Через несколько секунд Марк не выдержал:

— Можно посмотреть?

И без разрешения подошел к полотну.

— Так это же не я! — удивился он.

— А кто вам сказал, что я пишу ваш портрет?

— Но ведь я вам позирую.

— Я изображаю лишь вашу юность, а не вас, — сказал Вербов. — Как я обещал, ваш портрет стареть не будет.

— Но кто это?

— Это я сам в молодости. Я одолжил вашу юность, чтобы изобразить себя молодым. Вот если бы я мог материализовать это! — прошептал он с мечтательной улыбкой.

— Это нечестно! — обиделся Марк. — Вы хотите быть и знаменитым, и молодым?

— Давайте меняться, — предложил Вербов. — Вы мне отдаете молодость, а я вам — свою славу художника.

— Изобразите коммуну, которую я придумал, — маленький творческий рай, созданный людьми в пустыне Негев. Материализуйте мой проект, и мы туда с вами отправимся. А потом, за вашу придумку, как это осуществить, я отдам вам свою молодость. Всевышний много тысяч лет назад создал нечто подобное там, неподалеку от пустыни Негев.

— Ну что ж, опишите вашу коммуну, — сказал художник.

— Представьте себе такую штуку: те, кто только начинают свой путь в искусстве или науке и еще не стали знаменитыми, собираются в небольшие творческие коммуны в сельской местности. Они живут и работают вместе, деля время между физическим трудом и творчеством. Половину дня работают на земле, в сельском хозяйстве, чтобы заработать на жизнь — вырастить продукцию, которая реально продается, и получить доход. А остальное время —

творят. Члены коммуны могут делать, что хочется: писать полотна, сочинять музыку или изобретать какие-нибудь устройства.

Лучше организовать такие группы по интересам: писатели и режиссеры вместе, композиторы с поэтами, художники и архитекторы, ученые с инженерами и так далее. Главное — чтобы всем было комфортно и интересно вместе. Люди сами решают, хотят ли они быть в этой коммуне, отвечает ли она их ценностям и интересам.

Здесь нет коммунистических заморочек, где всё отбирают и делят. Нет принуждения жить по чьим-то указаниям — свобода выбора.

Государство защищает коммунаров, они платят налоги и соблюдают законы. Это как гражданский брак, основанный на любви и взаимопонимании, а не на указке сверху.

Марк закончил. Вербов молчал несколько минут, сосредоточенно рисуя карандашом. Постепенно линии и штрихи на холсте начали оживать, и он произнес:

— Ну, нам пора, мой юный друг! У меня все готово!

Марку почудилось, что он вроде проснулся, когда открыл глаза. Холст исчез, а он шел по горячему песку. Небо было таким же желтым, как луна на веранде, только теперь оно светило снизу: пустыня раскинулась перед глазами Марка.

Вербов шел рядом.

— Вон там! Видите? Вдали? — спросил он.

— Вижу, — ответил Марк.

— Это кибуц по вашему проекту.

Живя в азиатском городе, Марк терпеть не мог жаркий климат, но здесь он ничего не чувствовал, хотя солнце палило, как раскаленная доменная печь. Вербов был весь мокрый от пота.

— Хотя бы один верблюд попался на пути! Быстрее добрались бы. Здесь все верблюды домашние и принадлежат бедуинам, — ворчал художник. — Вон там, видите? На верблюдах. Это они в своих национальных головных уборах.

По мере приближения к виднеющемуся среди выжженной растительности и сухой земли саду он разрастался, превращаясь в селение, утопающее в цветах и фруктовых деревьях. Потом оно стало похоже на огромный зеленый парк или, скорее, райский уголок с одноэтажными постройками.

— А что это за деревья в безводной пустыне? — спросил Марк художника, изнемогающего от беспощадной жары, когда они вошли в этот город-сад.

— Это акации, — сказал довольный Вербов, оказавшись на тенистой аллее. — Вот олива, эвкалипт, фиштак, кипарисы... О! Смотрите, мой юный спутник, здесь выращивают финики, мое любимое лакомство. А вот и виноград.

Путешественники подошли к небольшому искусственному озеру и стали пить воду прямо из него, как обычно делают лесные зверюшки. Омылись чистой прохладной водой и сели отдохнуть. Вдруг к ним стали подплывать разноцветные рыбы.

— Надеются, что их накормят, — рассмеялся Вербов. — Нам бы самим подкрепиться, ребятки, — шутил он, наслаждаясь прохладой и ароматами цитрусовых деревьев.

Марк не был голоден и не чувствовал усталости, как Вербов. Ему все нравилось и было интересно, любопытство — единственное, что влекло его дальше.

— Это и есть ваш проект, мой трижды романтичный юноша! — сказал Вербов.

— Удивительно! — воскликнул Марк. — Но где главное? Люди! Какие они здесь?

— Увидим, — задумчиво сказал художник. — Мне самому интересно, что из этого у нас с вами вышло.

Вдруг перед ними возникла, словно из воздуха соткалась, фигура человека.

— Вроде бы здесь не было никого? — удивился Марк.

— Сейчас узнаем! — сказал Вербов.

— Шалом алейхем, метайлим! — произнес этот человек. Он был достаточно молод, высок и хорошо сложен. По всему было видно, что из здешних.

— Это он приветствует нас на иврите, — объяснил Марку Вербов. — Мы, к сожалению, говорим только по-русски, уважаемый... извините, не знаю вашего имени, — обратился к незнакомцу Вербов. — Но можно и на английском, если пожелаете.

Молодой человек смотрел на них доброжелательно и широко улыбался:

— Мир вам, путешественники! Я — Ездра из рода Ааронова, мое имя означает «помощь». Приехал в кибуц из Белоруссии. А что вас привело сюда?

Марк не сразу заметил, что у него за плечом торчало внушительное ружье.

— Михаил, художник, — представился Вербов. — А это мой юный спутник Марк — мечтатель и автор творческих проектов.

— О! Я очень рад нашей встрече! Я тоже художник. У нас художники — самая большая община в кибуце. Многие из них стремятся к чистому творчеству, но на их родине это не приносило дохода для обеспечения жизни. Поэтому они, словно птицы в поисках теплого пристанища, приехали сюда из разных стран. Живут и работают здесь, создают свои творения. Пойдемте со мной, я вам все покажу.

Гости с проводником двинулись по аллее. Везде звучали птичьи голоса. Некоторые пернатые скандалили так громко, что это вызывало улыбку на лицах Марка и Вербова, улыбался и их новый знакомый. Впереди цвели вишня и сирень.

— Да... Мы превратили выжженную солнцем за века библейскую землю в плодородную почву, — говорил по пути вглубь кибуца Ездра. — Выращиваем оливки, финики, виноград, цитрусовые, а также разнообразные фрукты, овощи. У нас есть даже рыбная ферма. Все это мы продаем, обеспечивая себя необходимым для жизни. Здесь никто ни в чем не нуждается. Каждый работает по четыре — шесть часов в день на благо коммуны, остальное время посвящает творчеству. Конечно, мы любим путешествовать, и любовные приключения иногда случаются с нами. Все молоды. Некоторые художники, поэты или писатели остаются жить в общине даже после того, как становятся известными, и часть своих гонораров отдают в кибуц.

Они все дальше и дальше углублялись в сад, любуясь цветами и мелькающими среди веток экзотическими птицами.

— Те, кто занимается наукой, обычно покидают нас, когда становятся востребованными, — рассказывал Ездра, — и это правильно: им нужны специализированные научные лаборатории и институты. Здесь они успешно начинают свой путь в науку. Однако люди гуманитарного и творческого склада живут в нашем кибуце долго, годами, питаясь энергией древней иудейской земли. У них всегда есть о чем писать и что творить.

— Как вам удалось создать такое чудесное озеро с рыбками? — спросил Марк.

— Да, мы видели, — тут же подключился к разговору Вербов. — И кажется, что все разноцветные ящерицы пустыни перебрались в ваш райский уголок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.